

2.7.6. Радужный поток

Этот пункт оставлен в данной работе без разрешения раби Гавриэля (духовного редактора проекта «Алгебра сигнатур»).

Алсигна тщательно следит за творчеством Виктора Пелевина. Его и Алсигну волнуют одни и те же вещи: «Пустота» и «Радужный Поток».

Мнение литературного дарования в отношении проблем, волнующих осторожных физиков, бесконечно ценно, ибо оно позволяет взглянуть на интересующие Науку вопросы через призму души поэта, измученного исследованием причин бесцельности существования. Это взгляд со стороны возвышенной поэтики, униженной грязью окружающей реальности.

Поэт не прячет своего омерзения к миру, обезображенному равнодушием людей. Тем он и ценен для тех, кто призван к исправлению миров. Ибо в сказках порой больше правды, чем в философских трактатах, призванных служить Истине. Итак [35]:

* * *

«Случались иногда в древнем Китае туманные тихие вечера, когда Мир словно открывал свое Детское Лицо, показывая, каким Он был в самом Начале. Все вокруг – дома, заборы, деревья, заросли бамбука, шесты с горящими на них лампами – менялось самым чудесным образом, и начинало казаться, что ты сама только что вырезала все это из цветной бумаги и аккуратно разложила вокруг, а потом притворилась, будто перед тобой и впрямь большой-большой мир с живущими в нем людьми, по которому ты сейчас пойдешь на прогулку...

Как раз в такой вечер двенадцать веков тому назад я сидела в паланкине возле ворот монастыря на желтой горе. Мир вокруг был прекрасен, и я то ли радовалась, глядя в окошко, то ли грустила, но в глазах у меня стояли слезы. Так сильно на меня подействовала музыка.

Неподалеку уже долгое время пела флейта – о том самом, что было у меня на сердце. Что когда-то в детстве мы жили в огромном доме и играли в волшебные игры. А потом так заигрались, что сами поверили в свои выдумки – пошли понарошку гулять среди кукол и заблудились, и теперь никакая сила не вернет нас домой, если мы сами не вспомним, что просто играем. А вспомнить про это почти невозможно, такой завораживающей и страшной оказалась игра...

В главном здании светилось одно окно. Флейта играла именно там. Игравший на флейте сидел на полу спиной ко мне. На нем был халат из синего шелка, а на голове – маленькая соломенная шляпа конусом. Видно было, что голова у него побрита, хотя одежда не походила на монаше-

скую. Плечи у него были широкие, а тело сухое, легкое и сильное – такие вещи я чувствую сразу. На полу перед ним я заметила чайную чашку, тушечницу и кипу бумаги. На стене горели две масляные лампы.

«Видимо, – подумала я, – он занимался каллиграфией, а потом решил отдохнуть, и взялся за флейту... И что, интересно, я ему скажу?»

Он спокойно положил флейту на пол и обернулся.

Я встречала много людей, сильных и слабых духом. Но тут я не обнаружила ничего такого, к чему можно было приложить усилие воли.

– Здравствуй, А – сказал человек и склонил голову в вежливом приветствии. – Очень рад, что тышла минуту, чтобы заглянуть ко мне. Можешь называть меня желтым господином.

«Желтый господин, – подумала я – наверно, от желтой горы, на которой стоит монастырь. А может, метит в Импера...?»...

– Какая ты хорошенькая, – сказал он. – Но не забывай, что я монах.

Он снял с головы шляпу и кинул ее в мою сторону. Шляпа прижала мой хвост к полу – словно это был не конус из сухой соломы, а тяжеленный мельничный жернов. Вслед за этим желтый господин поднял два исписанных иероглифами листа, свернул их и кинул в мою сторону. Прежде чем я успела что-нибудь сообразить, они, как две железные скобы, прижали к полу мои запястья. Я попыталась дотянуться до одного листа зубами, но не смогла. Это, конечно, было какое-то колдовство. Я успела прочесть несколько иероглифов, написанных на бумаге – «нет старости и смерти... так же нет от них и избавления...»

Немного отлегло – это была буддийская Сутра Сердца, и значит, передо мной не даос. Все еще могло обойтись. Я перестала метаться и затихла.

Желтый Господин поднял чашку с чаем и отхлебнул из нее, разглядывая меня, словно художник близкую к завершению картину – раздумывая, где не хватает последнего завитка туши...

Он тихо прошептал последнюю фразу из Сутры Сердца на китайском. Все ученые мужи, которых я знала, утверждали, что эту мантру надо читать только на санскрите, поскольку именно так ее впервые произнес голос Победоносного. Тем не менее, обручи вокруг моих запястий вмиг разжались, превратившись в две обыкновенных мятых бумажки.

Я сказала: – Как поучительно! Господин использует одну и ту же сутру как замок и как ключ. Или смысл здесь в том, что эта мантра, как обещал Будда, действительно избавляет от всех страданий?

– Ты читала Сутру Сердца? – спросил он.

– Читала кое-что, – ответила я. – Форма есть Пустота, а Пустота есть форма.

– Может быть, ты даже знаешь смысл этих слов?

– Конечно знаю, – сказала я – *Вот, например, сидит перед вами лиса А. Вроде бы она самая настоящая, имеет форму. А приглядеться, никакой А перед вами нет, а одна сплошная пустота!*

И с этими словами я яростно рванулась к черному квадрату свободы, в котором уже горели первые звезды.

Но я забыла про шляпу, которая прижимала мой хвост к полу.

Никакая физическая и даже нравственная боль не сравнится со страданием, которое я испытала. Все, что отшельники переживают за годы покаяния, уместилось в единственную секунду небывало интенсивного чувства – словно удар молнии осветил темные углы моей души. Как горсть праха, я осыпалась на пол, и из моих глаз хлынул поток слез. Перед моим лицом оказался мятый лист Сутры Сердца, с которого на меня глядели равнодушные знаки, говорящие, что и я, и мой неудавшийся побег, и невыразимые муки, которые я испытывала в ту секунду – лишь пустая мнимость.

Желтый господин не смеялся и смотрел на меня с участием, но я чувствовала, что он еле сдерживает смех. От этого мне было еще сильнее жаль себя, и я все плакала и плакала, пока знаки, на которые капали мои слезы, не потеряли форму, превратившись в черные расплывающиеся фигуры.

– Так больно? – спросил желтый господин.

– Нет, – ответила я сквозь слезы, – мне... мне... стыдно...

Я так мерзко оцупала себя в ту минуту, что ни о каких хитростях уже не думала, и участие, которое проявлял ко мне желтый господин, казалось мне незаслуженным – я-то хорошо знала, что полагалось за мои дела. Если бы он принялся заживо сдирать с меня кожу, я, наверное, не очень бы возражала.

– Боюсь, что духи возмездия пошлют меня в ад, – сказала я еле слышно.

Это было чистой правдой – среди видений, которые только что пронесли перед моим внутренним взором, мелькнуло такое: в ледяном мешке какое-то черное колесо наматывало на себя мой хвост, выдирая его из меня, но хвост никак не отрывался, а все рос и рос, словно паутина из паучьего брюшка, и каждая секунда этого кошмара причиняла мне невыносимые муки. Но ужаснее всего было понимание, что так будет продолжаться целую вечность... Ада страшнее не может представить себе ни одна лиса.

– А разве лисы верят в возмездие? – спросил желтый господин.

– Нам не надо верить или не верить. Возмездие наступает каждый раз, когда нас сильно дергают за хвост.

– Так вот оно что, – сказал он задумчиво, – значит, надо было дернуть ее за хвост...

– Кого?

– Несколько лет назад в монастырь приезжала замаливать грехи одна весьма развитая лиса из столицы. В отличие от тебя она совершенно не боялась ада – наоборот, она доказывала, что туда попадут абсолютно все. Она рассуждала так: даже люди иногда бывают добры, насколько же небесное милосердие превосходит земное! Ясно, что Верховный Владыка простит всех без исключения и немедленно направит их в рай. Люди сами превратят его в ад – точно так же, как превратили в него землю...

Обычно я любопытна, но в ту минуту мне было так плохо, что я даже не спросила, кто эта лиса из столицы. Но аргумент показался мне убедительным. Сглотнув слезы, я прошептала:

– Так что же, выходит, надежды нет совсем?

Желтый господин пожал плечами. – Понимание того, что все создано Умом, разрушает самый страшный ад, – сказал он.

– Понимаю, – ответила я. – Я читала Священные Книги. Но мне кажется, что у меня злое сердце. А злое сердце, как правильно сказала эта лиса из столицы, обязательно создаст вокруг себя ад. Где бы оно ни оказалось.

– Если бы у тебя было злое сердце, ты не пришла бы на звуки моей флейты. Сердце у тебя не злое. Оно у тебя, как у всех лис, хитрое.

– А хитрому сердцу можно помочь?

– Считается, что при праведной жизни хитрое сердце может исцелиться за три кальпы.

– А что такое кальпа?

– Это период времени, который проходит между возникновением Вселенной и ее гибелью.

– Но ведь ни одна лиса не проживет столько! – сказала я.

– Да, – согласился он. – Хитрое сердце сложно излечить, заставляя его следовать нравственным правилам. Именно потому, что оно хитрое, оно непременно отыщет способ обойти все эти правила. А за три кальпы оно может понять, что дурачит только себя.

– А быстрее нельзя?

– Можно, – ответил он. – Если есть сильное желание и решимость, то можно.

– Как?

– Будда дал много разных учений. Есть среди них учения для людей, есть для духов, есть даже учения для богов, не желающих низвергнуться в нижние миры. Учение для волшебных лис, идущих сверхземным путем, тоже есть, но отнесешься ли ты к нему с доверием, если тебе расскажет о нем человек?

– Я приняла самую почтительную позу и сказала: – Поверьте, я с глубоким уважением отношусь к людям! Если мне и приходится иногда подрывать их жизненную силу, это лишь потому, что такой создала меня Природа. Иначе мне не удалось бы добыть себе пропитание.

– Хорошо, – сказал желтый господин. – Я по счастливой случайности знаком с тайным учением для бессмертных лис и готов передать его тебе. Больше того, я обязан это сделать. Я скоро покину этот мир, и будет жалко, если это удивительное знание исчезнет вместе со мной. А другую лису я вряд ли успею встретить.

– А как же ваша гостья из столицы? Почему вы не передали учение ей?

– Она не годится, – сказал он – она кается только, когда замышляет, что-то особенно мрачное. Старается облегчить душу, перед тем как натворит еще больше зла.

– Я тоже способна на такое, – ответила я.

– Знаю, – сказал желтый господин. – Но ты при этом будешь помнить, что собираешься совершить преступление, поэтому мошенничество с фальшивым покаянием у тебя не пройдет. А вот И может настолько искренне покаяться в предыдущем, что действительно облегчит свою душу. Она слишком хитрая для того, чтобы когда-нибудь войти в Радужный Поток.

– Ты говоришь, что читала священные книги. Тогда ты должна знать, что жизнь – это прогулка по саду иллюзорных форм, которые кажутся реальными уму, не видящему своей природы. Заблуждающийся ум может попасть в мир богов, мир демонов, мир людей, мир животных, мир голодных духов и в ад. Пройдя все эти миры, Победоносные оставили их жителей учение о том, как излечиться от смертей и рождений...

– Простите, – перебила я, желая показать свою ученость, – но ведь в сутрах говорится, что самым драгоценным является человеческое рождение, поскольку только человек может достичь освобождения. Разве не так?

Желтый господин улыбнулся. – Я бы не стал открывать эту тайну людям, но, поскольку ты лиса, ты должна знать, что во всех мирах утверждается то же самое. В аду говорят, что только житель ада может достичь освобождения, поскольку во всех остальных местах существа проводят жизнь в погоне за удовольствиями, которых в аду практически нет. В мире богов, наоборот, говорят, что освобождения могут достичь только боги, потому что для них прыжок к свободе короче всего, а страх перед падением в нижние миры – самый сильный.

– А как насчет животных? Там ведь этого не говорят?

– Я говорю про те миры, у обитателей которых существует концепция спасения. А там, где такой концепции нет, по этой самой причине спасать никого не надо.

Вот как, подумала я. Умный, как лис.

– А спасение, о котором идет речь – оно для всех миров одно и то же или в каждом разное?

– Для людей освобождение – уйти в Нирвану. Для жителей ада освобождение – слиться с Лиловым Дымом. Для демона-асуры – овладеть Ме-

чюм Пустоты. Для богов – раствориться в Алмазном Блеске. Если речь идет о форме, спасение в каждом мире разное. Но по своей внутренней сути оно везде одно и то же, потому что природа ума, которому грезятся все эти миры, не меняется никогда.

– А как обстоят дела с лисами?

– Формально оборотни не попадают ни в одну из шести категорий, о которых я говорил. Вы – это особый случай. Считается, что иногда родившийся в мире демонов ум пугается его жестокости и уходит жить на его окраину, туда, где демоническая реальность соприкасается с миром людей и животных. Такое существо не относится ни к одному из миров, поскольку перемещается между всеми тремя — миром людей, животных и демонов. Волшебные лисы относятся именно к этой категории.

– Да, – сказала я грустно, – так оно и есть. Сидим между трех стульев, и все от ужаса перед жизнью. Так есть ли для нас выход?

– Есть. Однажды Будду и его учеников вкусно накормила одна лиса. Будда был очень голоден и в благодарность оставил этой лисе учение для оборотней, которое способно привести их к освобождению за одну жизнь – учитывая, что оборотни живут до сорока тысяч лет. Времени у Будды было мало, поэтому учение получилось коротким. Но, поскольку его дал сам Победоносный, оно обладает волшебной силой несмотря ни на что. Если будешь следовать ему, ты сможешь не только спастись сама, но и показать путь к освобождению всем живущим на земле оборотням.

От волнения у меня закружилась голова. О чем-то подобном я и мечтала всю жизнь.

– О чем же говорится в этом учении? – спросила я шепотом.

– О Радужном Потокe, – таким же шепотом ответил желтый господин.

Я догадалась, что он подшучивает надо мной, но не обиделась.

– Радужный Поток? – спросила я нормальным голосом. – Что это?

– Это конечная цель сверхоборотня.

– А кто такой сверхоборотень?

– Это оборотень, которому удастся войти в Радужный Поток.

– А что еще о нем можно сказать?

– Внешне он такой же, как другие оборотни, а внутренне отличается. Но остальные никак не могут об этом догадаться по его внешнему виду.

– И как же можно им стать?

– Надо войти в Радужный Поток.

– Так что это?

Желтый господин удивленно поднял брови.

– Я же только что сказал. Конечная цель сверхоборотня.

– А можно как-нибудь описать Радужный Поток? Чтобы представить себе, куда стремиться?

– Нельзя. Природа Радужного Потока такова, что любые описания только помешают, создав о нем ложное представление. О нем нельзя сказать ничего достоверного, там можно только быть.

– А что должен делать сверхоборотень, чтобы войти в Радужный Поток?

– Он должен сделать только одно. Войти в него.

– А как?

– Любым способом, каким ему это удастся.

– Но ведь должны быть, наверное, какие-то инструкции, которые получает сверхоборотень?

– В этом они и состоят.

– Что, и все?

Желтый господин кивнул.

– То есть выходит, сверхоборотень – это тот, кто входит в Радужный Поток, а Радужный Поток – это то, куда входит сверхоборотень?

– Именно.

– Но тогда получается, первое определяется через второе, а второе определяется через первое. Какой же во всем этом смысл?

– Самый глубокий. И Радужный Поток, и путь сверхоборота лежат вне мира и недоступны обыденному уму – даже лисьему. Но зато они имеют самое непосредственное отношение друг к другу. Поэтому о первом можно говорить только применительно ко второму. А о втором – только применительно к первому.

– А можно что-нибудь к этому добавить?

– Радужный Поток на самом деле совсем не поток, а сверхоборотень – никакой не оборотень. Привязываться к словам не следует. Они нужны только как мгновенная точка опоры. Если ты попытаешься понести их с собой, они увлекут тебя в пропасть. Поэтому их следует сразу же отбросить.

Некоторое время я обдумывала услышанное.

– Выходит, высшее учение для лис состоит всего из двух слов, которые имеют отношение только друг к другу и не подлежат никакому объяснению. Кроме того, даже эти слова следует отбросить после того, как они будут произнесены... Похоже, у той лисы, которая накормила Будду, была не очень хорошая карма. А ей самой удалось войти в Радужный Поток?

Желтый господин кивнул.

– Правда, это случилось совсем недавно. И она не оставила после себя указаний для других оборотней. Поэтому передать тебе учение должен я.

– В достоверность такого учения трудно поверить.

– Высшие учения потому и называются высшими, что отличаются от тех, к которым ты привыкла. А все, что кажется тебе достоверным, уже в силу этого можно считать ложью.

– Почему?

– Потому что иначе ты не нуждалась бы ни в каких учениях. Ты уже знала бы правду.

В этом была логика. Но его объяснения напоминали те философские силлогизмы, главная цель которых – поставить ум в тупик.

– И все-таки, – не сдавалась я, – как учение может состоять только из двух слов?

– Чем выше учение, тем меньше слов, на которые оно опирается. Слова подобны якорям – кажется, что они позволяют надежно укрепиться в Истине, но на деле они лишь погружают ум в пелену. Поэтому самые совершенные учения обходятся без слов и знаков.

– Это, конечно, так, – сказала я. – Но даже для того, чтобы объяснить преимущества бессловесного учения, вам пришлось произнести много слов. Как же всего двух слов может хватить, чтобы руководствоваться ими в жизни?

– Высшие учения предназначены для существ с высшими способностями. А для тех, у кого они отсутствуют, имеются многотомные комментарии, в которых можно пребывать всю жизнь.

– А у меня есть высшие способности? – тихонько спросила я.

– Иначе ты бы здесь не сидела.

– А много в мире сверхооборотней?

– Только один. Теперь это ты. Если захочешь, ты сможешь войти в Радужный Поток. Но тебе надо будет постараться.

Кто не будет польщен, услышав, что у него высшие способности? А от перспективы стать единственным в мире исключительным существом вообще дух захватывало. Я задумалась.

– А та лиса, которая сумела войти в Радужный Поток – что про нее известно?

– Совсем мало. Твоя предшественница жила в одной горной деревушке, практиковала крайнюю аскезу и совсем отказалась от общения с людьми.

– Какой ужас, – прошептала я. – И что с ней произошло?

– Однажды она просто исчезла, и все.

– А она не оставила никаких записей?

– Нет.

– Довольно эгоистично с ее стороны.

– Может быть, их оставишь ты.

– Будда не оставил на этот счет указаний. Слушай, что говорит сердце. И не сворачивай с пути.

Я дважды поклонилась.

– Так что же мне делать?

Желтый господин вздохнул.

– Будь ты человеком, я просто дал бы тебе палкой по лбу, – сказал он, кивнув на свой сучковатый посох, – и отправил тебя работать на огороде. Выше такого учения нет ничего, и когда-нибудь ты это поймешь. Но у

сверхооборотня особый путь. Раз ты так настойчиво просишь, скажу: тебе надо найти ключ.

– Ключ? От чего?

– От Радужного Потока.

– А что это за ключ?

– Не имею понятия. Я же не сверхооборотень. Я простой монах. А теперь иди – тебя ждет твой паланкин» [35].

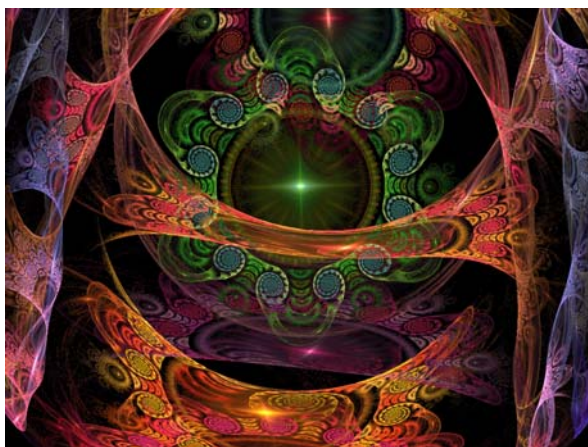
* * *

В рамках каббалистической традиции еврейская душа может вырваться из непрерывной цепи перерождений в этом твердом мире только после исполнения всех 613-ти Заповедей ТОРЫ.

Исполняя в каждой жизни хотя бы часть из этих Заповедей, еврей приближается к полному «Освобождению». Но среди 613-ти Заповедей ТОРЫ есть заповеди, связанные с ритуалом Б-гослужения в Иерусалимском Храме, который был разрушен около двух тысяч лет тому назад.

Как же в этом случае могут быть выполнены все Заповеди ТОРЫ? На этот вопрос есть два ответа. Отчасти, в этот мир приходят души евреев, которые уже исполнили все храмовые Заповеди еще до разрушения Храма, чтобы завершить то, что им не удалось сделать в предыдущих жизнях. Другая часть евреев находится в перманентном ожидании Машиаха (Мессии), в дни которого Иерусалимский Храм будет воздвигнут заново и будет восстановлена Храмовая Служба.

Возможно, есть и третий путь – войти в «Радужный поток», ибо это и есть Храм Б-ЖЕСТВЕННОГО Величия, на котором утверждены устои Вселенной. Радуга – это знак Завета, что Б-Г больше не Наведет воды потопа на обитателей нижних миров.

<http://www.crlc.pu.ru/share/hosse/>